

ЗАМЕТКИ · СООБЩЕНИЯ РЕФЕРАТЫ

А. П. ОКЛАДНИКОВ, В. В. НАРЫШКИН

НОВЫЕ ДАННЫЕ О ДРЕВНИХ КУЛЬТУРАХ НА ЧУКОТСКОМ ПОЛУОСТРОВЕ

(Древнее поселение на р. Канчалан)

Весной 1953 г. Чукотский краеведческий музей получил от работника Округного комитета КПСС С. С. Обыденникова и председателя колхоза «Заря» Н. Н. Нестерова сведения о наличии остатков старого поселения в устье р. Канчалан. С. С. Обыденников и Н. Н. Нестеров сообщили о том, что они видели в том месте на бугре пять ям, вытянутых в одну линию. Местные чукчи утверждали, что это остатки старых жилищ.

В конце августа 1953 г. директор Чукотского краеведческого музея В. В. Нарышкин предпринял археологическую разведку в устье р. Канчалан.

Река Канчалан берет начало в Анадырском хребте и течет на юг, затем она впадает в мелкий пресноводный Канчаланский лиман, который считается устьем реки. В свою очередь Канчаланский лиман соединяется с аналогичным устьем р. Анадырь, и затем эти две реки вместе впадают в большой Анадырский лиман, соединяющийся с Анадырским заливом Берингова моря. Берега Канчаланского лимана низки, на запад и на восток от лимана тянется ровная, без единой сопки сырая тундра; только вдалеке на западе смутно виднеются снеговые вершины хребта Пекульней. Берега лимана и речек, впадающих в лиман, поросли кустарником (карликовая ива, тальник, ольха).

Как показало обследование места, где находились остатки древнего поселения, оно состояло из 5 полуземлянок, расположенных в одну прямую линию на бугре высотой до 1 м, перпендикулярно берегу лимана, т. е. с юга на север. Крайнее к берегу лимана жилище отстоит на 2 м от обрывистого уступа берега высотой до 1,5 м. Остатки полуземлянок представляют собой ямы круглой чашевидной формы диаметром от 3 до 6,5 м, глубиной от 0,5 до 1 м. Все жилища окружены валом высотой до 20—30 см с внешней стороны и шириной до полуметра. Землянки имеют боковой выход на юг, в сторону от воды, шириной до 0,7 м. Выход представляет в настоящее время углубление в валу, окружающем землянку, до уровня тундры. Полуземлянки, вероятнее всего, имели еще и второй, зимний выход через дымовое отверстие, так как зимой жилища, несомненно, заносились двух-, а иногда и трехметровым слоем снега и боковой выход оказывался закрытым.

Ниже по лиману, примерно в 200 м от первого поселения, было обнаружено второе древнее поселение из 7 аналогичных описанному полуземлянок (рис. 1). Эти полуземлянки также расположены в одну прямую линию на втором холме, высотой до 5 м. Холм тянется вдоль берега на расстоянии 10—15 м от лимана.

Расположение древних поселений в этом месте очень удачно, так как устье р. Канчалан изобилует рыбой, а также нерпой. На окружающих поселения озерах весной, летом и осенью бывает много дичи. Очень важно, что через эти же места проходили пути передвижения оленей. До сих пор канчаланские чукчи гоняют свои олени табуны через устье Канчалана, а между двумя открытыми древними поселениями находится старая забойная площадка.

Древние канчаланские поселения расположены в узкой, около 75—100 м шириной, сухой береговой полосе, поросшей травой и кустарником. Далее на юг протекает небольшая речка без названия. Берега ее низки и болотисты. В 400—500 м от лимана имеется уступ высотой около 10 м, и берег лимана переходит в кочковатую, сырую, покрытую многочисленными озерами тундру. Юго-западнее второго поселения лежит озеро длиной около 100 м. Западнее этого поселения, рядом с холмом, в лиман впадает небольшой ручей.

В. В. Нарышкиным была частично раскопана третья с южного конца ряда полуземлянка первого поселения. Как показали раскопки, полуземлянка была вырыта в песке, а основание ее имело глубину в 70 см от поверхности тундры.

На глубине 12—13 см был обнаружен очаг. По краям очага стояло 7 гладких валунов, до 30—35 см в диаметре. Камни оконтуривали скопление золы. Очертания очага были овальными (больший диаметр 1 м, меньший — 0,7 м). В центральной части очажное пятно, состоявшее из обожженного песка, смешанного с пеплом, достигало в толщину 10 см. В очаге и вокруг него найдены многочисленные кости северного оленя, главным образом ребра и трубчатые кости, а также несколько лопаток. Из костей морских животных был обнаружен всего лишь один позвонок тюленя-нерпы.

Следует отметить, что одна лопатка оленя была в середине пробита. У чукчей есть обычай тренировать пальцы руки на пробивание лопаток оленя. Одной рукой оттяги-

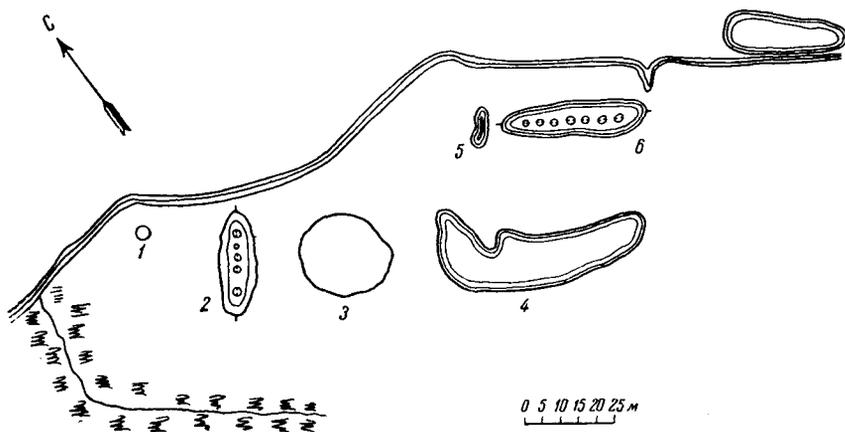

Рис. 1. Схематический план местности в устье р. Канчалан с расположенными на ней древними поселениями: 1—яранга, 2—холм, 3—старая забойная площадка, 4 и 5—озера, 6—холм с крутыми склонами

вают палец другой руки, а потом, отпуская палец, бьют им по лопатке, стараясь пробить ее. Возможно, что и у жителей канчаланских древних поселений был распространен этот арктический вид спорта. Остальные кости оленя, за редкими исключениями, были целы, только некоторые трубчатые кости оказались разломанными пополам сильным ударом.

Кроме костей, при раскопках были найдены многочисленные обломки грубо сделанных глиняных горшков, а также 16 скребков из обсидиана и вулканического туфа. Были обнаружены две группы черепков, вероятно, раздавленных горшков; одна группа находилась на расстоянии 1 м от выхода, вне очага, другая — в центре очага. Вместе с каменными орудиями были найдены костяные изделия: кирка-мотыга из моржового клыка, молот из того же материала, предмет с орнаментом, гарпун, кирка-мотыга из оленьего рога.

В этой же полуземлянке были обнаружены 8 маленьких круглых камней (наибольший диаметр 7—8 см). Точно такие же камни в настоящее время канчаланские чукчи употребляют в качестве грузил к рыболовным сетям. Отсюда можно сделать вывод, что древние жители поселения на р. Канчалан имели рыболовные сети и занимались рыболовством, хотя в землянке рыбы кости не были обнаружены.

В южной и западной частях полуземлянки найдены остатки двух столбов из плавника толщиной до 15—18 см. Эти столбы, вероятно, вместе с другими двумя нераскопанными столбами (северным и восточным) поддерживали кровлю полуземлянки.

Разрез отложений, заполнявших внутреннее пространство полуземлянки, таков: сверху находился слой дерна до 10 см толщиной, затем 2—3 см гальки, а далее песчаная толща — материк.

Предметы материальной культуры, найденные в Канчалане, состоят из каменных и костяных орудий, а также керамики. Законченных каменных изделий в раскопе обнаружено всего 16 экземпляров. Материалом для изготовления каменных орудий служили в основном две горные породы. Большинство предметов, 10 экземпляров, сделано из черной, плотной и тяжелой изверженной породы, повидимому, из той, которую С. И. Руденко называет вулканическим туфом. В некоторых образцах порода эта темнее и обладает своеобразным жирным блеском; в ней заметны отдельные блестящие кристаллики. В других образцах порода эта светлее и походит скорее на сланец. Колется она и подвергается обработке ретушью удовлетворительно, причем темная разновидность обрабатывалась лучше светлой, сланцевидной.

Остальные шесть орудий изготовлены из превосходного полупрозрачного черного цвета смолы или вара, обсидиана, почти совершенно лишенного патины. Только на

одном изделии, в отличие от всех других, с одной стороны имеется как бы легкий матовый налет, тогда как на противоположной его стороне такого налета не заметно. На четырех орудиях из шести, изготовленных из обсидиана, сохранились участки поздреватой желвачной корки, показывающие, что материалом для них служили желваки обсидиана, рассеченные сильными поперечными ударами, направленными слегка наискось, на массивные пластинчатые куски.

Кроме того, имеется одна крупная заготовка из зеленой яшмовидной разновидности глинисто-кремнистого сланца. Нужно сказать, что из такой породы изготовлена

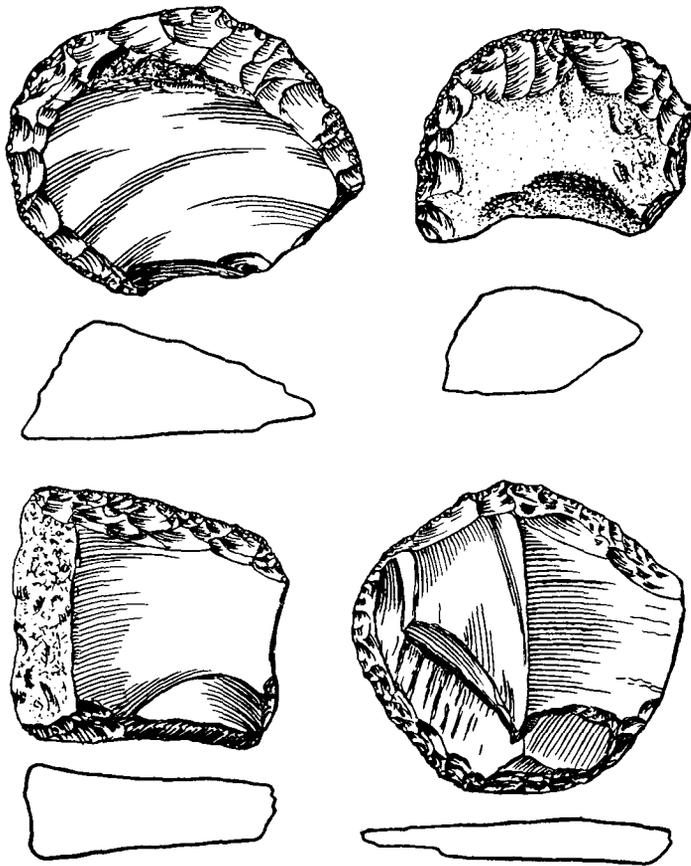

Рис. 2. Каменные скребки

была основная масса каменных орудий, обнаруженных М. Г. Левиным и А. П. Окладниковым при раскопках древних поселений в районе Магадана, по берегам и островам Охотского моря. Здесь же такой материал является исключением.

Все 16 каменных орудий относятся к одной и той же категории — скребкам (рис. 2, 3). Скребки эти, как правило, массивные, с крутыми, почти вертикальными лезвиями, изготовленные из кусков камня толщиной от 1 до 1,5 и даже до 2 см. Таких массивных скребков в коллекции 10 экземпляров, в том числе все образцы обсидиановых скребков. Остальные шесть скребков изготовлены из сравнительно тонких отщепов черной изверженной породы. Но все они тоже довольно крупные. Так, самый маленький скребок имеет в длину 3,6 см; самый крупный 8,2 см. По форме скребки могут быть разделены на следующие две группы: А — с выпуклым и Б — с прямым или вогнутым лезвием.

К первой группе относятся: а) два массивных скребка с широким и крутым дугообразно выпуклым рабочим краем, тщательно отделенным мастерской ретушью; у одного из них нижняя сторона подправлена специальной выравнивающей подтеской; б) один массивный скребок подтреугольно-овальных очертаний, обработанный круговой ретушью и подтесанный на суженном конце с нижней стороны, повидимому, для большего удобства закрепления в рукояти; рабочий конец массивнее и значительно выше противоположного конца; в) массивный скребок с одним прямым и противоположным выпуклым лезвием; к нему близки два других крупных скребка, имеющих удлиненно-овальные очертания и узкий округлый выступ на конце.

К первой же группе следует отнести и пять скребков, изготовленных из плоских широких отщепов. У шести из них широкое лезвие округлых очертаний, у одного даже почти дисковидное. У трех скребков лезвия узкие, сильно выпуклые.

Ко второй группе принадлежат три изделия. У них такое же, как у описанных выше, массивное лезвие, но не выпуклое, а слегка вогнутое. Особо должен быть отмечен скребок с двумя рабочими лезвиями на противоположных концах орудия. Од-

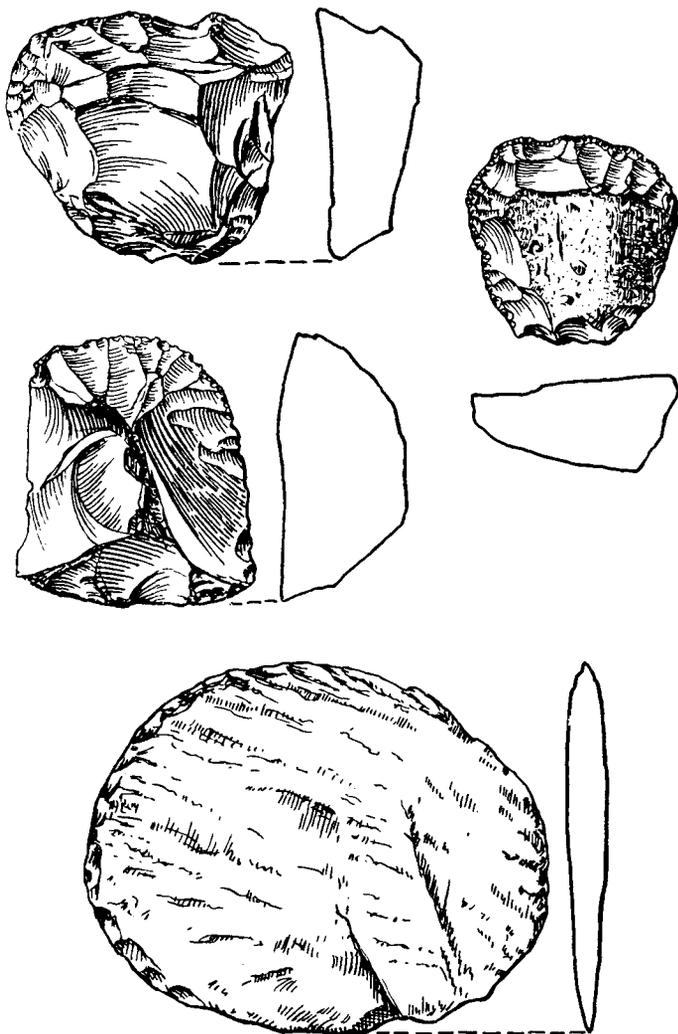

Рис. 3. Каменные скребки

лезвие у него слегка выпуклое, тщательно оформленное ретушью и вторично подправленное по краю; второе лезвие очень высокое и крутое, лишь с мелкой подправкой лезвия. Имеется также один крупный овальный скребок, изготовленный из плоского отщепы, небрежно оформленный вдоль всего края мелкой крутой ретушью с «защепами».

Вариации формы скребков, надо полагать, зависят от различия в их назначении. Заготовка, как сказано, одна. Судя по ее подтреугольно-овальным очертаниям, из нее собирались сделать крупный скребковидный инструмент, но по какой-то причине не достигли цели.

Поразительно, что на 16 скребков приходится всего лишь четыре отщепы, из которых три из черной изверженной породы, а из обсидиана только один. Отсюда следует, что изготовление орудий производилось не в этой землянке, а где-то в другом месте.

Кроме описанных скребков, в культурном слое полужемлянки оказались также отмеченные выше 8 овальных миниатюрных галек и обломок одной более крупной уплощенно-овальной гальки, служившей, повидимому, отбойником или отжимником. По крайней мере, на уцелевшем ее конце видны еле заметные следы употребления в виде полосы мельчайших выбоин или стертости.

Костяной инвентарь, как уже отмечалось, немногочислен (рис. 4).

Первое изделие представляет собой массивную тяжелую кирку-мотыгу, изготовленную из клыка моржа. Она имеет вид симметрично выпуклого с обеих сторон длинного клыка, овального в сечении, с выпуклым узким лезвием. На обухе ее имеются с одной стороны два глубоких желобка, нижний из которых сохранил четкие следы действия рубящего оружия, которым желобок был выполнен. Длина орудия 25,4 см.

Второе изделие — молот из клыка моржа. Он имеет на верхнем конце с одной стороны две углубленные полосы, узкую и широкую, служившие для прикрепления деревянной рукояти. С противоположной стороны имеется глубокий продольный срез.

Рис. 4. Костяные изделия

захватывающий $\frac{2}{3}$ длины изделия. Здесь прикреплялся соответственно подогнанный деревянный стержень рукояти. Нижний конец изделия тупой, слегка скошенный с одной стороны. На нем имеются следы длительного употребления. Длина орудия 15,5 см, ширина 4,8 см.

Третье изделие: наконечник кирки или палка-копалка из части ствола рога северного оленя. Стержень этот слегка искривлен и имеет острый рабочий конец. Длина изделия 26 см. Четвертое изделие — гарпун, вырезанный из клыка моржа. Он представляет собой уплощенный массивный и широкий стержень с двумя попеременно расположенными зубцами, имеющими вид не обычных кривых жальцев, а поперечных уступов. Основание гарпуна срезано с обеих сторон в виде клина и имеет сквозное отверстие цилиндрического вида. Длина изделия 20 см.

Остатки керамики представлены довольно многочисленными фрагментами сосудов. Судя по этим обломкам, они принадлежали не менее чем трем различным сосудам (рис. 5, 6). Первый сосуд был изготовлен из грубой глиняной массы, содержащей большое количество округленных зерен камня, повидимому, крупного морского песка. Можно сказать даже, что это была древесина, скрепленная глиной, своего рода конгломерат из древесины на глиняном цементе. Цвет черепков красновато-бурый. Поверхность их неровная, как бы «изъязвленная». Толщина черепков в среднем около 1 см. На внутренней поверхности их заметны глубокие вмятины, сделанные нажимом подушечек пальцев. В изломе масса обнаруживает обжиг неодинаковой силы: внутри она светлосерая,

снаружи светлого цвета, оранжево-красная. По своей форме сосуд этот столь же необычен, как и материал, который послужил для его изготовления. Он был очень широким и сравнительно низким. Высота его равна 19 см, диаметр сосуда в верхней части равен 25 см. Дно сосуда круглое, слегка уплощенное, круто переходившее в невысокие прямые стенки, заканчивавшиеся прямо срезанным плоским венчиком, без каких-либо признаков орнамента.

Второй сосуд сближается с первым по своей форме (но стенки его более выпуклы в средней части) и, очевидно, по технике изготовления. Стенки его тоже очень толсты,

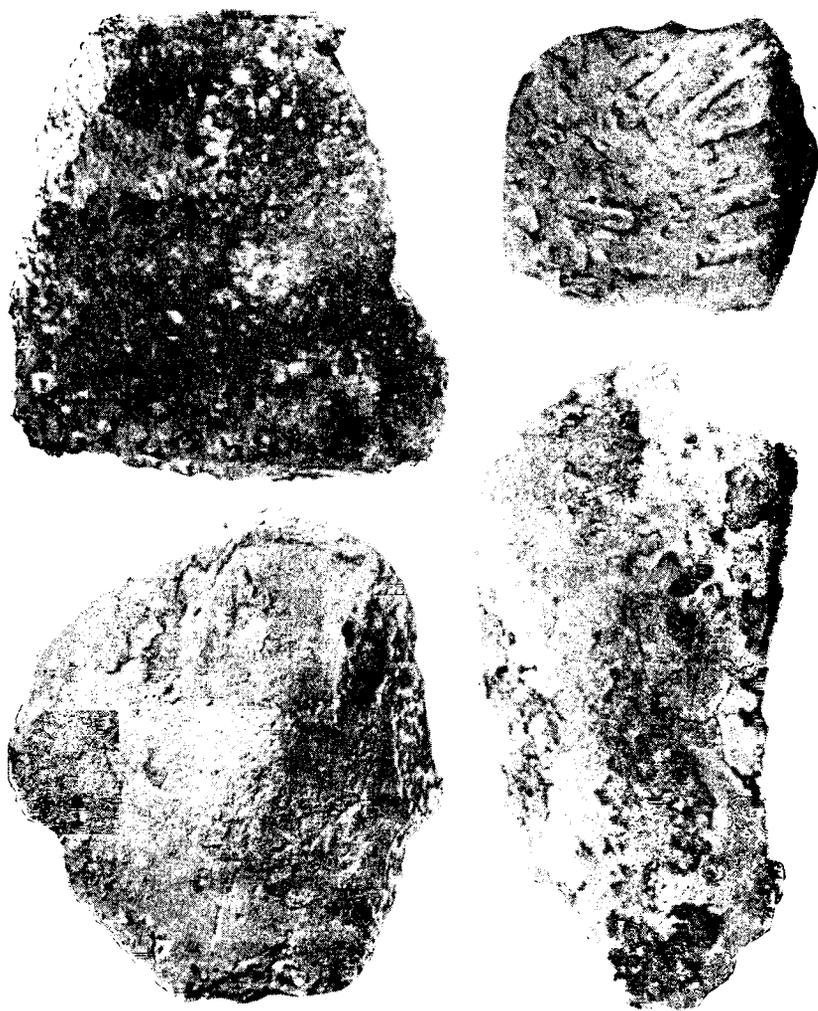

Рис. 5. Фрагменты глиняных сосудов

но масса не столь груба. Для него характерно наличие внешних боковых ушек весьма оригинального характера. Уцелевшее одно ушко имело вид бокового выступа с полеречным отверстием. Верхний широкий край ушка при этом сливался с прямо срезанным венчиком. Общая форма сосуда такая же, как у описанного выше. Высота его была равна 22 см, верхний диаметр около 18 см.

Третий сосуд представлен обломками, обнаруживающими в изломе более плотную и однородную, хорошо промешанную массу темночерного цвета с значительным количеством минеральной примеси, но не в виде дресвы, а в виде мельчайшего песка. Соответственно этому обе поверхности сосуда гладкие, местами как бы слегка лощенные. На внешней стороне фрагментов отчетливо заметны многочисленные выпуклые полоски, расположенные в ряде случаев под углом друг к другу или шевронами. Нет никакого сомнения в том, что такие полосы нанесены были ударами рубчатой лопаточки по влажной еще глине горшка в процессе изготовления последнего. Сосуды эти тоже имели, судя по круто выпуклым стенкам, круглое дно. Толщина черепков в среднем равна 0,5—0,6 см.

Налицо, следовательно, две непохожие друг на друга группы керамики, характеризующиеся не только составом керамического теста, но, повидимому, и техникой изготовления, а также отделкой поверхности сосудов.

Такое сочетание в материалах одного и того же поселения и даже одного и того же жилища образцов керамики, резко отличных друг от друга, несколько неожиданно. Его можно было бы объяснить разновременностью находок, но такая возможность исключается, как мы видели, условиями залегания культурных остатков. Очень интересна была бы возможность сочетания здесь различных приемов изготовления керамики, свойственных разным этническим группам, встретившимся вместе на Канчалане. Вполне допустимо, однако, и другое, более простое объяснение — то, что сосуды различного облика предназначены были для разных целей. В одних, например, могли варить мясо, в других вытапливать жир. Но все это только предположения; они могут быть проверены лишь дальнейшими исследованиями, которые, несомненно, дадут более обширный материал. Рассматривая весь материал Канчаланского поселения в целом, отметим, прежде всего, то обстоятельство, что это первая прибрежная находка в той

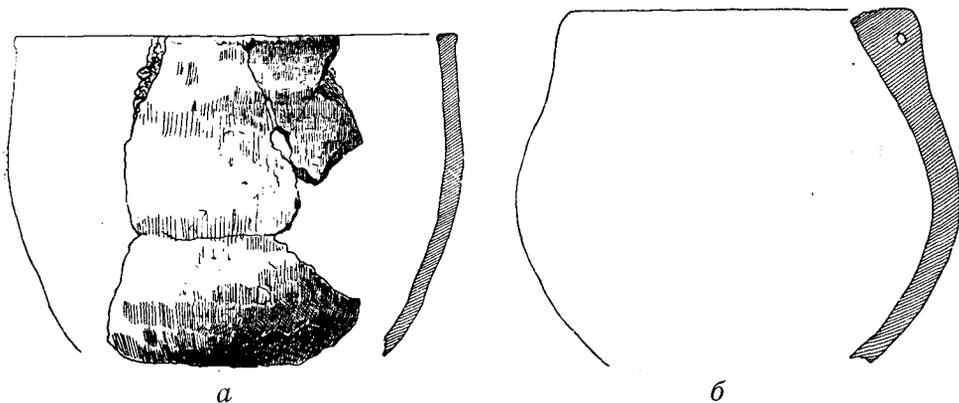

Рис. 6. а, б. Фрагменты глиняных сосудов

части Чукотского полуострова, которая соединяет его с более южными районами, включая Камчатку и побережье Охотского моря.

До сих пор имелись археологические материалы для побережья Чукотки только с территории, расположенной между Уэленом на севере и Энмыленом на юге, где производил в 1945 г. свои разведочные обследования С. И. Руденко и где до него собирали коллекции некоторые другие лица¹.

Как и следовало ожидать, мы видим здесь, с одной стороны, некоторые общие черты с древнеэскимосской культурой прибрежной части Азии вдоль Берингова пролива. Так, например, уже по общему своему облику грубые толстостенные сосуды из Канчалана определенно сближаются с древнеэскимосской керамикой, отличавшейся грубостью формы и примитивностью приемов изготовления. С. И. Руденко писал о ней: «Плохое качество эскимосской глиняной посуды отмечалось нами уже неоднократно... Обжиг настолько плохой, что органические включения — стебли травы — обугливались, но не сгорали. В качестве связывающего материала употреблялись главным образом песок и мелкий гравий крупностью до горошины, вследствие чего огромное большинство сосудов, как правило, толстостенные, в сантиметр и более толщиной». Эскимосские сосуды имели также округлые днища, они нередко были снабжены налепным ушком. В более древних стойбищах, как пишет С. И. Руденко, «иногда находят черепки со следами неглубоких параллельных линий, покрывающих почти всю поверхность сосуда, исключающая донья». Для этой цели, по его словам, применялись рубчатые лопатки². Все эти черты находят, таким образом, аналогии в керамике из Канчалана. Есть общие черты с древнеэскимосской культурой и в костяном инвентаре. Таковы прежде всего кирка-мотыга из клыка моржа, повторяющая кирки из Уэлена (Руденко, табл. 2, фиг. 29, 30), с острова Аркамчечена (табл. 12, фиг. 22) и с мыса Чаплина (табл. 15, фиг. 6). Что касается гарпунов, то, хотя гарпун из Канчалана не имеет ничего общего по форме с обычными поворотными гарпунами древних эскимосов, он все же очень близок к эскимосским гарпунам иного типа, составлявшим часть остроги для ловли крупной рыбы.

С другой стороны, каменный инвентарь Канчаланского стойбища по форме скребков не имеет таких близких аналогий в древнеэскимосских изделиях. Он, скорее, напо-

¹ С. И. Руденко, Древняя культура Берингова моря и эскимосская проблема, М.—Л., 1947, стр. 92—93.

² Там же, стр. 93.

минает материал из древнекоряцких, повидимому, поселений вдоль побережья Охотского моря³.

Особо следует подчеркнуть тот важный факт, что культура обитателей Канчаланского стойбища существенно отлична от той континентальной культуры центральной части Чукотского полуострова, которая стала известна нам в последнее время по находкам на озере Якитики и озере Чировом в бассейне р. Анадыря⁴.

Несмотря на скудость материала, находящегося в нашем распоряжении, различие здесь рисуется настолько определенно, что естественно следует вывод о наличии двух особых культур. Различия этих двух культур могут быть, прежде всего, хронологическими. Следует полагать, что поселения на оз. Якитики и на оз. Чировом значительно древнее Канчаланского стойбища. Их возраст, судя по нижнеленским аналогиям, не моложе, повидимому, первого тысячелетия до н. э. Канчаланское же поселение во всяком случае лежит в пределах нашей эры.

Но дело не только в этом. Люди, оставившие следы своего пребывания на упомянутых озерах Центрально-Чукотской тундры, были континентальными охотниками и рыболовами. Обитатели Анадырского лимана принадлежали к числу приморских племен, живших не только охотой на северного оленя, но и рыбной ловлей и, конечно, охотой на морского зверя. Будущие раскопки покажут многое в их культуре яснее и по-новому. Но и сейчас уже ясна определенная связь этой культуры с культурой других приморских племен Арктики, выраженная особенно отчетливо в керамике. При этом ясно, что это были не те племена, которым принадлежала богатая берингоморская культура Чукотского побережья Берингова пролива, и вместе с тем не те, которые обитали вдоль берегов Охотского моря, т. е. не предки коряков, а какие-то иные. Во всяком случае перед нами нечто новое, памятник новой древней культуры на северо-востоке Азии.

Значение новых находок в Канчалане заключается, следовательно, в том, что они не только бросают луч света в совершенно темную до сих пор область, но и ставят на очередь новые интересные вопросы, касающиеся древнейших этнических отношений на северо-востоке Азии, а тем самым настойчиво требуют продолжения археологических работ на нашем отдаленном северо-востоке и увязки их с этнографическими, лингвистическими и антропологическими исследованиями.

³ А. П. Окладников, Древние культуры северо-востока Азии по данным археологических исследований 1946 г. в Колымском крае, «Вестник древней истории», 1947, 1.

⁴ А. П. Окладников, О первоначальном заселении человеком внутренней части Чукотского полуострова, «Известия Всесоюз. географич. об-ва», 4, 1953.